

ПРОКУРАТУРА СССР ПРИНОСИТ ИЗВИНЕНИЯ СОЛЖЕНИЦЫНУ

О прекращении уголовного дела против А. Солженицына мы уже сообщали в прошлом номере («Известия» № 223). В пресс-группе Прокуратуры СССР мы получили текст телеграммы, направленной Генеральным прокурором СССР Николаем Трубиным в Вермонт.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕЛЕ-
ГРАММА. США, штат Вермонт,
город Кавендиш, СОЛЖЕНИЦЫНУ
А. И.

Уважаемый Александр Исаевич!

Принятое в отношении Вас в 1974 году решение о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям вследствие изменения обстановки, мною, после изучения дела, признано необоснованным.

Поскольку доказательства, свидетельствующие о совершении Вами каких-либо преступлений, не имеется, уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Прошу Вас принять от меня извинения за неправомерные действия в отношении Вас бывших работников Прокуратуры Союза ССР.

Генеральный прокурор
СССР
Н. С. ТРУБИН.

...Весь позор «социалистической законности» уместился на нескольких листах серой бумаги под казенной обложкой. Постановление о возбуждении уголовного дела против Солженицы-

на от 11 февраля 1974 года по ст. 64 УК РСФСР за измену Родине. Постановление об аресте. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 февраля того же года о лишении Солженицына гражданства СССР. Постановление следователя, согласованное с первым заместителем Генерального прокурора о прекращении уголовного дела 14 февраля в связи с выдворением писателя из страны.

Из доказательств — телеграммы от «возмущенных» трудовых коллективов и «оскорбленных» творчеством Александра Исаевича коллег по цеху. Несколько вырезок из советских газет того времени. И — все.

Ничего странного, что дело, избавившись от грифа «Секретно», не добавило ничего нового к общеизвестному. Еще 14 февраля 1974 года, когда в самолете, летевшем в ФРГ, вмиг подбравшие гэбисты сняли с А. И. Солженицына наручники, для каждого нормального человека и в нашей стране, и за рубежом была очевидна причина выдворения: страх. Жестоким режим шел на очевидное преступление

против собственных курых законов в паническом ужасе перед свободным словом.

Репортеры, в огромном количестве собравшиеся у трапа самолета, не услышали от Солженицына никаких заявлений. Ему не в чем было оправдываться и даже нечего было объяснять.

Только страхом можно объяснить и то, что писателя не бросили в тюрьму, не сослали на Колыму и не прибили кирпичом из-за угла. Выслав Солженицына на Запад, власти, сами завистливые к богатой загранице, надеялись этим главным коммунистическим чувством убить любовь к бесстрашному мастеру.

И вновь просчитались. «Я не эмигрант, — с первой минуты заграничного пребывания говорил о себе Солженицын. — Я изгнанник». Именно так воспринимали его и мы.

Изгнанник возвращается на любимую землю. После 17 лет другой жизни это чрезвычайно трудно. Никто не ожидает, что 71-летний писатель поспешит за билетом на первый же самолет. У него есть обязательства перед семьей, друзьями, своим творчеством.

Своим заявлением о намерении вернуться к нам Александр Исаевич укрепляет веру в свет, восходящий над нашей страной.

В. РУДНЕВ.

Известия. - 1991. - 10 авг. - С. 4.